УДК 37.014.523(470.342)

В. В. Машковцева

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДЕ СТАРООБРЯДЦЕВ: СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЯМИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)

В статье рассматриваются проблемы и специфика развития грамотности и образования в старообрядческой среде в условиях жесткой репрессивной политики властей, направленной на пресечение функционирования религиозно-просветительских центров староверов (молелен, школ, типографий). В частности, анализируются особенности домашнего обучения детей староверов, освещаются попытки открытия ими школ, несмотря на действующий запрет на законодательном уровне, преследования старообрядцев со стороны духовных и светских властей и наказания за их просветительскую деятельность. В основу исследования положен широкий спектр неопубликованных источников, в частности, материалов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Кировской области. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют выявить уровень грамотности местных старообрядцев, сопоставить его с аналогичным показателем в среде представителей других конфессий, а также определить этническую принадлежность вятских старообрядцев и развитие грамотности в определенной национальной среде.

Ключевые слова: старообрядцы, духовенство Русской православной церкви, конфессиональная политика, образование.

Проблемы образования и воспитания в современном обществе приобрели особую актуальность. Система образования переживает сегодня период реформ, которые касаются всех звеньев в ее структуре. В частности, в числе наиболее значимых рассматриваемых аспектов фигурируют такие, как повышение качества образования, использование инновационных подходов и

© Машковцева В. В., 2017

интерактивных методов в системе обучения и воспитания, мотивация учебной деятельности, формирование культуры чтения, навыков самообразования и т. п. В этой связи полезно обратиться к осмыслению исторического опыта, в частности, изучению специфики образовательного процесса в среде старообрядцев, построенного на принципах преемственности и особого уважения к книге как памятнику религиозной культуры и выразителю нравственных ориентиров. Важным представляется и изучение конфессиональной политики властей в данной сфере. Заявленная тема на общероссийском уровне нашла отражение в трудах И. В. Починской, О. П. Ершовой, О. Н. Бахтиной, И. В. Куприяновой и др. Основная цель данного исследования – рассмотрение специфики религиозного образования старообрядцев на материалах Вятской губернии и анализ государственно-старообрядческих взаимоотношений в сфере просвещения.

Старообрядцы вошли в историю как подлинные ценители книги, которую они рассматривали как носитель святости и незыблемой истины. С книгой они связывали также святость традиции, считали своим долгом беречь ее и передавать из поколения в поколение. Такое восприятие книжной культуры «ревнители древнего благочестия» формировали у детей, начиная с раннего возраста, и культивировали, прежде всего, в семье в процессе обучения и воспитания, которые были тесно сопряжены с религией.

Как правило, дети старообрядцев получали домашнее образование, их обучали родители, дедушки и бабушки. Это было обусловлено тем, что представители старшего поколения в семье считали необходимым передать свои знания и веру сыновьям и внукам как духовное наследие, нравственный завет. Таким образом, на семью возлагалась важная задача – «аккумуляция, консервация и передача религиозно-культурного опыта» [1]. Известный старообрядческий писатель А. К. Килин вспоминал: «...как стал произносить речь, меня стали учить молиться Богу и прочим христианским обычаям» [2].

Староверы предпринимали попытки открытия своих школ, но вынуждены были делать это нелегально, поскольку в случае обнаружения таковых они закрывались местными властями, опасавшимися распространения старообрядчества. Инспектор народных училищ Нолинского уезда в донесении от 28 февраля 1904 г. отметил, что тайные старообрядческие школы существовали почти во всех крупных деревнях, населенных староверами, особенно в Мальканской и Немской волости. Например, в деревне Власовской Мальканской волости действовала школа в доме Епистимии Логиновой [3]. Инспектор выделил два типа нелегальных школ староверов. В одних детей учили «только механизму славянского чтения ... буквосочетательным методом»; обучение письму не предполагалось. В других школах детей готовили к проведению общественных богослужений и с этой целью учили «пению с голоса и по нотам (крюковым)», беглому чтению по славянским книгам, знакомили со старообрядческим уставом [4]. Инспектор народных училищ Малмыжского уезда также указал на существование в старообрядческих селениях тайных школ, в которых велось обучение церковно-славянской грамоте, чтению Псалтыри и молитв. Например, в деревне Хвощанке Вихаревской волости детей учил крестьянин Степан Сухих [5]. Священник села Удугучина Малмыжского уезда обратил внимание на методику организации учебного процесса в старообрядческих школах. Все обучение в них делилось на несколько курсов (азбука, Часослов и Псалтырь), в каждом из которых – два семестра: «в первый ученик "разбирает", а во второй – "твердит"» [6].

Часто староверы обучались грамоте у так называемых «раскольнических девиц», отказавшихся от супружеской жизни и именовавшихся "келейными". Это были грамотные наставницы, пользовавшиеся большим уважением среди старообрядцев. Они исполняли религиозные требы у своих единомышленников. Помимо старообрядцев к ним для овладения грамотой отправляли своих детей и приверженцы официальной церкви. Впоследствии, как отметил вятский

губернатор, «такие дети, выучившись у раскольниц, по внушению их», становились старообрядцами [7].

Местные власти, не заинтересованные в развитии староверия, преследовали старообрядцев за открытие ими собственных школ. Так, крестьянин Коробейников организовал школу в деревне Черной Светлянского прихода Сарапульского уезда. Процесс обучения в ней заключался, в основном, в чтении старопечатной Псалтыри. Об этом сообщил 9 ноября 1903 г. совету Сарапульского Вознесенского Братства священник П. Трапицын. При этом миссионер подчеркнул, что цель, которую преследует Коробейников в процессе обучения детей, – «приготовление борцов против православной церкви» [8]. Заслушав доклад П. Трапицына, совет постановил открыть в деревне Черной дополнительный класс при существующей там церковно-приходской школе с целью обучения крестьян чтению по Псалтыри и другим старопечатным книгам единоверческой печати, а также церковному пению. Учителю же данного класса предписывалось в свободное от занятий время проводить религиозно-нравственные беседы со староверами. Старообрядческая же школа просуществовала очень недолго. Уже в начале 1904 г. инспектор народных училищ Сарапульского уезда информировал о закрытии ее гражданским начальством.

Подобные проявления политики государственных властей по отношению к старообрядцам можно наблюдать и на общероссийском уровне. Так, например, 1868 г. старообрядец И. И. Шибаев открыл в Москве на Покровке училище для детей староверов. Однако в 1869 г. полиция, по распоряжению Министерства внутренних дел, приказала закрыть данное учебное заведение. В 1879 г. московские и петербургские староверы ходатайствовали о разрешении им открыть на свои средства и под контролем официальной власти торговую школу. Прошение старообрядцев не было удовлетворено [9].

В 70-е гг. XIX в. старообрядцы обратились с ходатайством к самому императору Александру II: «Мы чувствуем крайнюю нужду в просвещении и

потому молим о повелении, дабы нам позволено было иметь свои собственные училища, низшие и средние; в них мы желаем воспитывать детей наших в страхе Божием и развивать их способности преподаванием точных наук и нужнейших чужих языков» [10]. Но в ответ на свою просьбу старообрядцы получили отказ.

Как видим, несмотря на значительное смягчение религиозной политики в годы царствования Александра II, власти по-прежнему сохраняли многие дискриминационные ограничения по отношению к конфессиональным меньшинствам. В частности, руководство страны отказывалось идти на уступки староверам в образовательной сфере, запрещая легализацию из учебных заведений. По всей видимости, это было связано с давлением Русской православной церкви, опасавшейся того, что старообрядческие училища станут заниматься прозелитизмом и это приведет к массовому переходу адептов официальной церкви в староверие. Кроме того, старообрядческие училища могли бы свести на нет все усилия так называемых «противораскольнических» школ, выпускники которых занимались миссионерством среди староверов. Наконец, нельзя не учитывать еще одно важное обстоятельство. 60–70-е гг. XIX в. – время бурного промышленного развития страны, в котором самое активное участие принимали старообрядцы. Хорошо известна деятельность таких старообрядческих родов, как Морозовы, Гучковы, Рябушинские и пр. В случае появления у старообрядцев собственных учебных заведений, где основное внимание уделялось бы изучению естественных наук и языков, уровень их конкурентоспособности еще более увеличился бы, что, в свою очередь, могло иметь ряд последствий. Во-первых, это нанесло бы серьезный удар по экономическим позициям других русских предпринимателей – сторонников официальной церкви. Во-вторых, в старообрядческой среде, известной своими сильными корпоративными отношениями, возник бы довольно широкий слой богатых людей, интересы которых рано или поздно должны были учитывать власти.

Официальные власти не только закрывали старообрядческие школы и препятствовали их открытию, но и преследовали учителей. Педагогическая деятельность староверов рассматривалась как «распространение раскола», за что они подвергались суду. Особые усилия местных властей были направлены на пресечение случаев обучения старообрядцами детей православных. Так, например, в марте 1881 г. в г. Глазове проходило заседание временного отделения Вятского окружного суда. Слушалось дело Прокопия Соколова, 60-летнего старообрядца белокриницкого согласия. У себя дома он обучал детей религии и грамоте, поэтому ему было предъявлено обвинение в распространении староверия. Казалось бы, напротив, этот крестьянин совершал благое дело. Соколов проживал около Березовских починков, где не было ни школ, ни больниц. Кроме того, его обвинили в присоединении к старообрядчеству нескольких человек, но лица эти не только не присутствовали на суде, но не были точно названы. Несмотря на все это, суд вынес обвинительный приговор и Соколова сослали в Закавказский край [11]. Таким суровым наказаниям подвергались старообрядцы за их просветительскую деятельность. Между тем, по словам А. С. Пругавина, «значительная часть русского крестьянства обязана расколу своей грамотностью» [12].

На протяжении всего XIX в. проблема образования в среде старообрядцев так и не была решена государством. Относительно разрешения учиться в земских и церковно-приходских школах следует заметить, что лишь к концу XIX – началу XX вв., когда постепенно нормализуются отношения между адептами Русской православной церкви и старообрядцами, последние стали разрешать своим детям посещать общие школы. Например, миссионер Глазовского уезда Иоанн Дернов в отчете за 1891 г. отметил, что в Омутнинском заводе дети старообрядцев и единоверцев составляли более половины от общего числа учащихся. Наравне с православными они постигали Закон Божий и обучались церковному пению [13]. Охотно отдавали своих детей в сельскую школу и старообрядцы села Шоры Уржумского уезда, но только на два года:

« . . . третий год, в старшем отделении школы, учиться не желают, боясь должно быть, чтобы не переучились и не обмирщились», – так объяснил сложившуюся ситуацию священник Николай Увицкий [14]. В 1902 г. в 695 церковных школах, находившихся в ведении Вятского епархиального училищного совета, насчитывалось 306 учащихся из старообрядцев, в то время как православных – 29 343 [15].

Однако известны случаи, когда, несмотря на сложившийся к началу XX века общий благожелательный настрой старообрядцев, некоторые из них выступали против изучения их детьми Закона Божия вместе с православными, а иногда и совсем запрещали им посещать земские и церковные школы. Так, староверы поморского согласия села Кулиг Глазовского уезда, по свидетельству местного священника, «часто своих детей отклоняют от школьных занятий на свои домашние работы, несмотря ни на какие убеждения преподавателей» [16]. Иногда старообрядцы ходатайствовали освободить их детей от изучения Закона Божия вместе с православными [17].

Таким образом, мы наблюдаем некоторое противоречие в действиях государственных властей по отношению к старообрядцам. С одной стороны, в миссионерских отчетах постоянно подчеркивалось, что лучшим средством борьбы со староверием является образование народа. Аналогичную позицию занимали и представители светской власти. Вятский губернатор в отчете за 1869 г. в числе мер по «ослаблению раскола» выделил распространение грамотности в народной среде, исторических сведений о зарождении и развитии старообрядчества, о "нелепости его учения" [18]. Закон от 27 февраля 1866 г. обязывал сельских священников «в проповедях и поучениях стараться располагать крестьян к грамотности и обучению» [19]. Но, с другой стороны, подавлялось всякое стремление самих старообрядцев к просвещению. Местные власти закрывали их школы, полиция и духовенство преследовали учителей, чья деятельность приравнивалась к «распространению раскола», «совращению в раскол».

Между тем, несмотря на все гонения, уровень грамотности в среде старообрядцев был зачастую выше, чем в среде адептов официального православия. Интересно отметить, что вопрос об уровне грамотности старообрядцев по-разному рассматривался представителями духовенства официальной церкви и светскими исследователями данной темы. В частности, православные служители культа оценивали старообрядцев как невежественных, абсолютно необразованных людей, чьи убеждения держатся лишь на силе упорства в отстаивании своих взглядов и на сплоченности и взаимовыручке в рамках общины. Так, священник села Кузнецово Уржумского уезда указал в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена очень мало, они очень мало знают об учении церкви и о расколе ...» [20]. Светские же историки, особенно современные, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителей древнего благочестия». «Старообрядчество, – пишет М. О. Шахов, – характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» [21]. Как уже было сказано, дети старообрядцев, как правило, получали домашнее образование, поскольку закон не разрешал им открытие собственных школ. Последние функционировали, но нелегально, до момента обнаружения властями и закрытия. Посещение учебных заведений, где обучались адепты официальной церкви, родители долгое время не считали возможным для своих детей в силу серьезной религиозной конфронтации.

Стремление к грамотности, книжности всегда отличало староверов. Согласно статистическим данным, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23%, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36%, а в северных областях достигал даже 43% [22]. Конечно, мнение православных пастырей является необъективным и предвзятым. В то же время нельзя идеализировать ситуацию. Сопоставим уровень грамотности в среде представителей разных вероисповеданий, проживавших на территории Вятской губернии.

Таблица 1

Соотношение численности грамотного населения среди представителей разных вероисповеданий Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (на 1897 г.) [23]

Вероисповедание	Процент грамотных		
	м. п.	ж. п.	всего
Православные	25,7	8,2	15,7
Католики	74,9	71,7	73,5
Лютеране	83,6	86,9	85,2
Иудеи	70,1	61,0	65,5
Мусульмане	23,3	23,4	23,3
Старообрядцы	*25,5*	*6,5*	*15,2*

Как видим, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотных старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2%. Это сопоставимо с аналогичным показателем у православных – приверженцев официальной церкви – 15,7%, однако по уровню грамотности староверы значительно уступали лютеранам (85,2%), католикам (73,5%), иудеям (65,5%) и мусульманам (23,3%). Последнее обстоятельство может быть мотивировано рядом факторов. Во-первых, немцы, поляки, евреи в основной своей массе проживали в городах, а старообрядцы, преимущественно, – в сельской местности, где система образования была менее развита. Во-вторых, староверы долгое время, вплоть до 1905 г., не имели возможности открывать свои учебные заведения, в то время как дети мусульман могли обучаться в мектебе или медресе, у католиков и протестантов функционировали школы при костелах и кирхах, дети евреев учились в светских школах. В-третьих, необходимо учесть и разницу в социальном статусе. Поляки, немцы, евреи, по преимуществу были чиновниками, государственными служащими, инженерами или предпринимателями, т. е. их род профессиональной деятельности был сопряжен с интеллектуальной сферой [24].

Получение хорошего образования было для них объективной необходимостью. Старообрядцы же, в основном, как уже было сказано выше, являлись крестьянами. Прослойка предпринимателей среди них была, но не столь существенна.

Основная масса грамотных староверов приходилась на долю мужчин: среди них грамотными были 25,5%. Процент грамотных женщин в среде старообрядцев был почти в 4 раза меньше – 6,5. Вероятно, это обусловлено консерватизмом мировоззрения старообрядцев: женщина традиционно воспринималась как мать и хозяйка.

Наконец, рассмотрим этническую принадлежность вятских старообрядцев и развитие грамотности в определенной национальной среде.

Таблица 2

Численность грамотных старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (на 1897 г.) [25]

Этнос	Численность грамотных старообрядцев (чел.)			% (от общей численности старообрядцев данного этноса)
	м. п.	ж. п.	всего	
Русские	11427	3450	14877	15,3
Белорусы	–	–	–	–
Удмурты	3	1	4	23,5
Марийцы	–	–	–	–
Пермяки	36	1	37	5,9
Татары	–	–	–	–

Как видим, грамотные староверы в Вятской губернии были только среди русских, удмуртов и пермяков. Этнически преобладающая категория – русские; среди них уровень грамотных старообрядцев составлял 15,3%.

Таким образом, обучение и воспитание в среде старообрядцев были тесно связаны с их религиозным мировоззрением, культурными традициями и институтом семьи. Они считали нравственным долгом передачу духовных

ценностей, накопленных предшествующими поколениями, своим детям, которым прививали особое отношение к книжной культуре, ее почитание и уважение. Между тем вплоть до начала XX в. староверы не имели возможности легально открывать свои культурно-просветительские центры (школы, типографии). Необходимые права они получили лишь с изданием закона 17 апреля 1905 г.

Список литературы

1. *Куприянова И. В.* Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 330.
2. *Бахтина О. Н.* Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск, 1999. С. 208.
3. ГАКО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 38. Л. 92.
4. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2480. Лл. 39 об. – 40.
5. Там же. Л. 44 об.
6. ГАКО. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.
7. РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 143. Л. 4 об.
8. ГАКО. Ф. 270. Оп.1. Д. 187. Л. 2 об.
9. *Мельников Ф. Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 443.
10. Там же. С. 444.
11. *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 120–121.
12. Там же. С. 105.
13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 2246. Л. 3.
14. ГАКО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.
15. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 812. Л. 32об. – 33.
16. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 124. Л. 176.
17. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2480. Л. 21.
18. РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 143. Л. 8.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. XLI. Отд-ние первое. 1866. СПб., 1868. С. 187.
20. ГАКО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

21. *Шахов М. О.* Старообрядчество, общество, государство. М., 1998. С. 25.

22. Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 г.). М., 1910. С. 201–202.

23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. IX, 90.

24. *Машковцев А. А.* Католики Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : численный состав и размещение // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2 (1). С. 39–40.

25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. 90.

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: wikma116@rambler.ru